

К ИСТОРИИ ЗАКРЫТИЯ МОСКОВСКОГО СЛАВЯНСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В 1878 Г.

Ирина Воробьева

Славянский благотворительный комитет в Москве был создан в 1858 г. по инициативе и при участии московских интеллигентов – кружка славянофилов, журналистов и профессоров университета. Его деятельность продолжалась двадцать лет, в течение которых значимость и авторитет этой организации в России и за границей значительно выросли. Особенно заметно влияние МСБК в годы русско-турецкой войны 1877–78 гг., в ходе которой югославы обрели долгожданную независимость от турок. Некоторые общественные и государственные деятели склонны были даже преувеличивать влияние МСБК и его лидера И. С. Аксакова на политику русского правительства, что привело к рождению мифа о том, что Восточный кризис 1875–1878 гг. был “делом рук” Аксакова и руководимого им славянского комитета. Русский философ и современник событий В. С. Соловьев писал в 1891 г., что “...когда в 1876 г. разнеслись по России вести об избиениях в Болгарии и возникло сильное и по крайней мере некоторое серьезное стремление помочь избиваемому народу, те же самые славянские комитеты, над которыми года два перед тем покойный Катков в качестве реального политика издевался как над пустою затеею “старца Погодина и его молодого друга Нила Попова”, вдруг выросли и стали руководящею общественною силою и увлекли за собою самого Каткова в числе прочих”¹.

Однако именно в момент звездного часа Московского славянского общества “Высочайшим повелением” был отстранен от должности его председатель И. Аксаков, а вскоре и ликвидировано само общество. История его закрытия и связанные с ним обстоятельства изучались неоднократно в литературе², но вопрос об отношении интеллигенции к решению власти не ставился

исследователями. Имеющиеся архивные материалы, в частности, переписка между членами комитета позволяют прояснить некоторые обстоятельства дела.

Ход происшедших событий выглядел так. Берлинский конгресс 1878 г., пересмотревший условия Сан-Стефанского договора, расчленил Болгарию, только что освобожденную с помощью русской армии, на две части. Босния и Герцеговина после освобождения от турецкого гнета попали под власт Австро-Венгрии. Русская дипломатия оказалась неспособной отстаивать интересы России и южных славян. Решение конгресса вызвало глубокое разочарование во всех кругах русского общества и привело к резкому падению престижа правительства.

Наиболее резкая критика действий русской дипломатии прозвучала в речи И. С. Аксакова на заседании славянского общества 22 июня 1878 г. Вскоре последовала реакция властей: 7 июля ему был объявлен строжайший выговор, в тот же день принято решение об его отставке от должности. 21 июля Московское славянское общество упразднилось по личному указанию Александра II, затем последовало распоряжение о высылке Аксакова из Москвы. Как же отреагировали московские интеллигенты, в частности, члены славянского общества на действия правительства?

Для ответа на поставленный вопрос придется обратиться к истории создания МСБК. Комитет, как было сказано, возник на основе кружка людей, объединенных идеями славянолюбия. Так представлял себе историю комитета его первый и единственный историограф профессор Московского университета Нил Александрович Попов. Книгу "Из истории славянского благотворительного комитета в Москве" Попов написал в 1872 г., уже будучи секретарем комитета, каковым его избрали после проведения Славянского съезда и Этнографической выставки в Москве в 1867 г., где он проявил завидную активность. С 1877 г. он стал товарищем председателя. Из всех членов комитета только Попов был профессиональным историком-славистом. Он знал славянские языки, а побывав в заграничной командировке в славянских землях, приобрел много знакомых среди ученых, священников, политических деятелей. Как человек он был очень общительным, умел расположить к себе, завоевать доверие и уважение собеседника. Попов владел навыками делопроизводства:

умел составлять протоколы, аккуратно хранить документы, вести деловую переписку, отвечать на просьбы корреспондентов. Для сегодняшних исследователей Попов сохранил архив комитета, собрал и свой личный архив, насчитывающий более 9 тыс. листов и включающий несколько сотен писем, в том числе и из славянских земель. Из сказанного следует, что Попов мог претендовать наравне с Аксаковым на роль ведущего теоретика и практика комитета.

Н. А. Попов, как показывают документы, имел свой взгляд на задачи славянского комитета, которые и пытался реализовать на практике. С момента возникновения комитета на первом месте стояла благотворительность, что и отразилось в его названии. Это обстоятельство не устраивало его некоторых его членов, видимо, и Аксакова. Известно, что в знак протеста против преобладания благотворительности славянский комитет покинули несколько человек. Секретарь Попов, не отказываясь полностью от благотворительности, счел необходимым придать ей иной характер. Он предложил помогать не храмам, а учащимся в России славянам, устраивать школы, посылать учителей русского языка в славянские земли, переправлять русские книги и журналы.

Для популяризации своей позиции Попов использовал возможности периодической печати. Именно он настаивал на публикации отчетов и протоколов комитета, что и делал чрез "Московские ведомости" и издания университета. В 1871 г. он опубликовал обширную статью с программным заявлением под названием "Религиозная и национальная благотворительность на Востоке и среди южных славян"³. В ней сопоставлялось участие России и других стран в оказании помощи славянам. Это сравнение было не в пользу России. Лишь с возникновением Московского комитета, считал Попов, произошли некоторые изменения. Комитет как общественная организация имел возможность пропагандировать идею славянского сближения именно через благотворительность. Автор прямо заявлял, что национальная благотворительность "служит дело взаимности между всеми славянами".

Итак, по представлениям Попова, МСБК являлся общественной, а не правительственной российской организацией. Архивные разыскания С. А. Никитина внесли некоторые уточнения.

Он был убежден, что “комитет возник в итоге совпадения интересов и стремлений болгарских буржуазных кругов, русского правительства и некоторой части русского общества”⁴. По его мнению, правительство рассматривало вновь создавшуюся организацию как удобное орудие для проведения русской политики на Балканах. Правительственная политика преследовала цель укрепления русских связей с балканскими народами, орудием укрепления связей и должен был служить Славянский комитет. То обстоятельство, что это была общественная организация, а не официальное учреждение, могло сулить правительству значительную свободу в отношении нее. Комитет был подчинен Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел. Видимо члены комитета рассматривали эту связь с правительством как необходимость, от которой можно получить некоторую выгоду. По крайней мере, покровительством властей комитет не тяготился, а И. С. Аксаков, став его председателем в 1875 г. после смерти Погодина, постоянно искал во властных структурах поддержки.

В середине 1870-х гг. политическая ситуация на Балканах изменилась, что потребовало изменений и в программе комитета. Наряду с благотворительностью комитет начал активно заниматься политической деятельностью. Известен ряд акций Аксакова по отправке оружия и другая военная помощь славянам. Правительство отреагировало на активные действия комитета созданием его нового устава. Комитет сменил название на “Московское славянское общество”, слово благотворительность исчезло из названия. Но главное в том, что правительство поставило славянское общество под свой полный контроль, лишив его прежней относительной самостоятельности. В практической деятельности общество подчинялось Министерству внутренних дел, а агенты общества на Балканах теперь руководствовались инструкциями, получаемыми от русских дипломатов.

Н. И. Цимбаев, изучавший деятельность И. Аксакова, предположил, что речь Аксакова о Берлинском конгрессе может быть понята как попытка вернуть Московскому славянскому обществу прежнюю организационную самостоятельность и относительную политическую независимость, что не могло не вызвать противодействия русского правительства⁵. Возможно, по отношению к Аксакову эта мысль и верна, но другие члены

общества вряд ли стремились к каким-то изменениям. Думаю, что так можно понять суждение секретаря Н. А. Попова, который, подводя итоги деятельности МСБК за 1876 г., писал: “Помимо той напряженной и исключительной деятельности, на которую вызван был в прошлом году Славянский комитет известными событиями на Балканском полуострове, за ним оставалась еще обычная, так сказать, специальная его деятельность, которой он посвящал свои силы и средства со дня своего основания. Эта деятельность не прекращалась и в истекшем году”⁶. Московское славянское общество продолжало, как выразился Попов, свою специальную деятельность по воспитанию и обучению славянской молодежи в России. Иными словами, секретарь не заметил каких-либо серьезных изменений в делах общества, продолжая заниматься благотворительностью. Поэтому решение правительства о закрытии общества для него и других членов оказалось неожиданным и непонятным.

Об этом свидетельствует переписка Попова с Аксаковым, достаточно информативная и значимая для выяснения настроений в Москве, но она почему-то не принималась исследователями во внимание. Так, 3 июля, уже после речи Аксакова, Попов сообщал председателю о текущих делах Общества: о принятии книг из Белграда, напоминал о необходимости получения процентов с билета С. А. Маслова, о необходимости отправки 200 рублей в качестве Вифлиемской стипендии в Прагу на имя общества “Святобор”⁷.

Получив 12 июля распоряжение московского генерал-губернатора Долгорукова об увольнении Аксакова от должности председателя, совет общества собрался на свое заседание через два дня – 14 июля. Более оперативному сбору помешали летние каникулы: большинство членов совета проживали за городом. Согласно уставу следовало решить вопрос о назначении нового председателя. Совет предложил исполнять обязанности председателя Н. А. Попову, но его кандидатуру должен был утверждать министр. После заседания Аксаков 15 июля писал редактору “Гражданина” В. Ф. Пуцьковичу, который и опубликовал речь Аксакова: “Вчера я сдал должность и дела товарищу председателя Нилу Александровичу Попову – впредь до избрания нового председателя. Кажется, решились всячески теснит

Славянское общество. Это показывает, что политика конгресса торжествует”⁸.

На заседании 14 июля члены совета попытались принять постановление, которое устроило бы власти. Видимо, по этой причине в протоколе заседания появилась фраза “подчиниться повелению Государя Императора”. Это выражение некоторые москвичи нашли неуместным и даже “считали его единственной причиной последовавшего затем общества”. Такая молва приведена в письме Попова к Аксакову от 15 декабря 1878 г. Хотя прошло четыре месяца со дня отъезда Аксакова, но тот все еще мучился в поисках мотива решения властей о закрытии общества и спрашивал Попова о слухах в Москве. Попов сообщал: “... закрытие Славянского общества было предметом постоянных разговоров и объяснений, суждений и запросов, сожалений и нареканий, часть которых Вам, конечно, не известна, и потому я считаю своею обязанностью и некоторым правом изложить их перед Вами с надлежащими объяснениями”⁹.

Письмо Попова – попытка проанализировать действия Общества и объяснить, что совет действовал разумно, логично и не провоцировал власти на столь радикальные меры. По этой причине о вышеупомянутом выражении в письме Попова сказано: “Никому из присутствовавших в заседании не приходило в голову придавать выражению “подчиниться” те различные объяснения, которые впоследствии давались ему людьми, большею частью не бывшими в Москве. Оно просто выражало уже состоявшееся действие, хотя быть может и в форме, не принятой в деловых бумагах. А потому я не верю, чтобы именно это обстоятельство послужило к закрытию Общества”¹⁰.

Судя по письму Попова, в Москве ходили слухи о “неуместном зачислении Аксакова в члены совета по увольнении от должности председателя” и занесении “в протокол заседания совета благодарности онго за труды, понесенные Аксаковым во время всей деятельности как по бывшему Славянскому комитету, так и по сменившему его Обществу”. “Некоторые сожалели, что ликвидация дел Общества произведена была быстро, и тем отнята была будто бы возможность ходатайствовать о возобновлении действий Общества.” На эти и другие упреки Попов отвечал подробно, проверяя как бы себя и свои поступки – действительно

все ли было сделано? Своих ошибок он не обнаружил, оставалось только сожалеть о случившемся и готовить дела к сдаче в архив. Именно эту работу Попов как опытный архивист выполнил тщательно и аккуратно: фонд Московского славянского благотворительного комитета насчитывает 9000 ед. хр. и доступен современным исследователям.

И все же беспокойные мысли не покидали ни Аксакова, ни Попова. Аксаков в письмах к друзьям закрытие Общества объяснял то негласным решением, принятым на Берлинском конгрессе, то выполнением требования австрийского правительства, которое обвиняло Аксакова в “подпольной агитации” в пользу антиавстрийского движения в Боснии и Румелии. Попов никому не высказывал своих предложений (по крайней мере, мне они не известны). Думаю, что он мог быть солидарен с военным министром Д. А. Милютиным, который в своем дневнике записал о закрытии Общества: “Факт прискорбный. Он неминуемо произведет невыгодное для нас впечатление в славянских землях, где смотрели на Московское славянское общество как на орган, через который само правительство русское проявляло свое сочувствие и покровительство славянам. Жаль, что наши немногочисленные деятели общественные редко обладают политическим тактом; они почти всегда своими увлечениями портят дело, которому служат”.¹¹ У меня нет фактов, свидетельствующих об обвинении Поповым в “бестактности” Аксакова, но какую-то часть вины за случившееся он, возможно, возлагал на него. Иначе чем объяснить, что профессор Попов спустя почти десять лет в некрологе И. С. Аксакова, опубликованном в “Русских ведомостях”, описав подробно его литературную биографию, о деятельности в МСБК, отделался скупой фразой: “...еще слишком памятна, чтобы распространяться о ней здесь”¹².

Правительство, ликвидировав Славянское общество в Москве, явно поступило необдуманно, но и российская интеллигенция не проявила решимости в защите организации, столь нужной для укрепления славянского взаимопонимания и взаимодействия. Не было обращений и воззваний к общественному мнению ни в России, ни за границей. Южным славянам пришлось только сожалеть: “Очень жаль, что дело дошло до закрытия общества, которое много добра делало славянам,” –

писал Попову в августе 1878 г. сербский митрополит Михаил, зарубежный член Общества¹³. Из Болгарии Аксакову пришло письмо от А. Техарова, который был потрясен случившимся и сообщал: “Нет города, села, махала в Болгарии, где не знают о случившемся и нет ни одного болгарина кто бы не прочитал исполненную правдивости и любовью Вашу речь... Примите наши уверения, многоуважаемый Иван Сергеевич, в том что наш народ останется Вам вечно признателен за Ваши заслуги и с благоговением произносит Ваше имя. Вы – единственный человек, кто высказался в нашу защиту в тот момент, когда все другие молчали”¹⁴.

Российская интеллигенция в очередной раз смирилась с решением властей, “подчинилась повелению Государя Императора”, порушив столь необходимое национальное дело.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соловьев, В. С. Сочинения в 2-х томах. М., 1989. Т. 2, с. 382.

² Адо, В. И. Выступление И. С. Аксакова против Берлинского конгресса 1878 г. и отклики на него в России и Болгарии. // История СССР, 1962, № 6, с. 125–139; Цимбаев, Н. И. Речь И. С. Аксакова о Берлинском конгрессе и закрытие Московского славянского общества. // Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981, с. 184–193.

³ Попов, Н. А. Религиозная и национальная благотворительность на Востоке и среди южных славян. // ЖМНП, 1871, № 11.

⁴ Никитин, С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960, с. 35.

⁵ Цимбаев, Н. И. Указ. соч., с. 192.

⁶ Родное племя. М., 1876. Кн. 2, с. 308.

⁷ ОР РНБ. Ф. 14. № 271.

⁸ Московский сборник. М., 1887, с. 14–37.

⁹ ОР РНБ. Ф. 14. № 271. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 4 об. Далее в тексте цитируется это письмо.

¹¹ Милютин, Д. А. Дневник. М., 1950. Т. 3, с. 82.

¹² Русские ведомости, 1886, № 28.

¹³ ОР РГБ. Ф. 239, П. 13., № 48, Л. 39.

¹⁴ Стоянов, И. Славянские комитеты и българското освободително движение след Априлското въстание. София, 1992, с. 85. Когда эта статья мной была написана, ректор Велико-Тырновского университета познакомил меня со своей книгой, за что я ему очень благодарна.